

А
Геннадий Красухин
Стёнки ~
дорожки

Литературные нравы недалёкого прошлого

А

Геннадий Красухин
Стёжки ~
дорожки

Литературные нравы
недалёкого прошлого

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2005

ББК 84(2Рос=Рус)6
К 78

Красухин Г. Г.

К 78 Стёжки дорожки: Литературные нравы недалёкого прошлого. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — 264 с.

ISBN 5-9551-0080-6

Автор этой книги после окончания в начале 60-х годов прошлого века филологического факультета МГУ работал в Государственном комитете Совета Министров СССР по кинематографии, в журналах «Семья и школа», «Крутозор» и «РТ-программы». В 1967 году он был приглашён в отдел русской литературы «Литературной газеты», где проработал 27 лет. В этой книге, где автор запечатлел вехи своей биографии почти за сорок лет, читатель встретит немало знаменитых и известных в литературном мире людей, почувствует дух не только застойного или перестроечного времени, но и нынешнего: хотя под повествованием стоит совершенно определённая дата, автор в сносках комментирует события, произошедшие после.

Обращённая к массовому читателю, книга рассчитана прежде всего на любителей чтения мемуарной литературы, в данном случае обрисовывающей литературный быт эпохи.

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 5-9551-0080-6

© Г. Г. Красухин, 2005

© Языки славянской культуры, 2005

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

*Ещё и ещё раз оглянись на свою
жизнь и проси прощения за всё,
что всплывает в твоей памяти:
за злословие, за эгоизм твоих
мыслей, за всякое критическое
суждение о других, которое тебя
занимает и лишает тебя покоя...*

Блаженный Хосемария Эскрива

В университет я поступил случайно. Шли мы со школьным приятелем по Моховой и увидели объявление, крупно написанное на огромной доске, стоящей у забора перед красивым жёлтым зданием. В этом здании нынче размещается журфак, который тогда меня не привлекал (я ходил в знаменитое в те годы литературное объединение «Магистраль» и подумывал о Литературном институте). Но мы прочли, что МГУ объявляет приём на вечернее отделение не факультета журналистики, а исторического и филологического. Приём документов заканчивался дня через три. И сразу же начинались экзамены.

Подумав, я решил сдавать на филологический исключительно для тренировки. До экзаменов на дневном отделении времени было ещё много. А экзамены во все гуманитарные вузы были одинаковыми: сочинение, устные русский и литература, история СССР и немецкий (это для меня, а для тех, кто учил французский или английский, соответственно они). С документами сложностей не было: медицинскую карту я получил на следующий день в поли-

клинике, далеко не пятёточный аттестат валялся в моей тумбочке, а справку с работы мне и вовсе выдали без проблем: уже почти два года я работал радиомонтажником на заводе «Полиграфмаш», куда устроил меня отец — главный механик этого завода и куда я пошёл, соблазнившись названием: всё-таки полиграфия!

Сочинение я писал на так называемую «свободную» тему: «Советский Союз — оплот мира и безопасности». Регулярный читатель «Правды» и «Литературной газеты» я, почти не думая, катал страницу за страницей шаблонные блоки об агрессивной политике НАТО, о миролюбивом Варшавском пакте, о только что прошедшем в Москве Всемирном фестивале молодёжи и студентов. Вспомнил я и о том, как сумели силы мира и прогресса, возглавляемые Советским Союзом, остановить тройственную агрессию Англии, Франции и Израиля против Египта. Заклеймил американцев за их поддержку антинародного режима шаха Мохаммеда Реза Пехлеви в Иране. И был очень тепло встречен на устном экзамене двумя преподавателями. С одним из тех, кому я отвечал по литературе, я сблизился уже через много лет после окончания университета. Это был Владимир Николаевич Турбин.

Турбин спросил, почему я выбрал именно свободную тему, и весело хмыкнул, услышав, что свободная даёт больше простора для воображения. Это потом до меня дошло, как разочаровал я его своим ответом. Турбин, влюблённый в классическую литературу, не терпевший трескучей советской демагогии, прочитал политинформацию-сочинение и отказался слушать новую политинформацию на тему: «Образ настоящего человека в повести Бориса Полевого». «Да, — сказал он, — про Мересьева можете не рассказывать: верю, что знаете, а вот об основах стихосложения, пожалуйста, поподробнее!»

Поподробнее, так поподробнее! Ямб? Пожалуйста, трёхстопный, четырёхстопный, пятистопный! Хорей? Ради Бога, вот вам примеры чистейшего хорей! Дактиль? Дактилическая рифма? Кто чаще всех её использовал? Некра-